

К ВОПРОСУ О "ЗАПРЕТЕ" НА РОМАНС. ТАК ЛИ ЭТО БЫЛО?

Остановлюсь на одной легенде, распространяемой некоторыми представителями музыкального искусства, о якобы запрете на жанр романса в советское время. Более несоответствующей реальным фактам выдумки трудно представить.

Я родился в Армении, в армянской семье. Мой отец, преподаватель армянского языка и литературы, в консерватории не обучался, но был музыкально одаренным, грамотным и образованным человеком, неплохим хормейстером и знал множество армянских, русских и других песен, в том числе и романсов, и иногда в домашней обстановке вполголоса, для себя напевал их. От отца я получил не только дарованную мне жизнь, но и абсолютный музыкальный слух, поэтому напеваемые им песенные мелодии сразу схватывались мною и пополняли мой "репертуар". Так, я уже в раннем детском возрасте знал все арии из оперы "Ануш" А.Тиграняна, которую впервые лицезрел в оперном театре многие годы спустя. Из романсов я помню, в частности, "Ямщик, не гони лошадей" и популярный в те годы романс А.Вертинского "Ваши пальцы пахнут ладаном". Отмечу также, что в дружеском окружении отца также было немало знатоков и любителей романсов, которые они напевали в товарищеской обстановке у нас дома. В последующем в расширении моего "репертуара" приняла участие моя приемная мать Евгения Моисеевна Сарибекян, приходившаяся мне старшей двоюродной сестрой с отцовской стороны. Выпускница женского учебного заведения в Тифлисе, она привезла оттуда большой запас романсов, которые она своим милым голосом напевала, занимаясь домашними делами.

Но я был не единственным знатоком, наряду с армянским мелосом, и романсов. В школе оказалось много

одноклассников, которые в своей домашней среде также приобщились к романсам и это явилось дополнительным стимулом завызывания новых и укрепления прежних дружеских отношений. По мере взросления мы покупали граммофонные пластинки с записями романсной музыки, не пропускали ни одного концерта приезжавших на гастроли в Ереван исполнителей романсов и т.д. Помню, как мы передавали друг другу чудом сохранившиеся в семьях некоторых школьных друзей дореволюционные пластинки с записями знаменитых исполнителей романсов Веры Паниной и Анастасии Вяльцевой.

Наш класс окончил школу в 1938 году, мы уже неплохо ориентировались в жизни, поскольку не только приобрели большой запас знаний, но и прошли через 1937 год. Но никогда нам не довелось слышать о запрете советской власти на романс. Поэтому меня коробит, когда я слышу каждый раз, как известный и образованный музыковед Святослав Бэлза в передаче "Романтика романса" по несколько раз, с постоянством, достойным лучшего применения, из передачи в передачу походя повторяет свою мысль о том, что якобы романс в советское время был под запретом, ни разу не назвав тот документ, который на сей счет существовал. Помимо общих бездоказательных заявлений, С.Бэлза не упускает случая также при исполнении тех или иных романсов, судьба которых поначалу складывалась порой не совсем благоприятно, выпустить очередной заряд в адрес прежних лет. Приведу лишь один пример. Каждый раз при исполнении широко известной песни (романса) О.Фельцмана "Ландыши" он смакует рассказ о "бедах", выпавших на долю этой песни (которые, кстати, были преодолены в советские же годы). Сам автор О.Фельцман вспоминает об этом с доброй улыбкой и с большой долей юмора.

Я хочу возразить господину С.Бэлзе, пополнив сказанное выше еще рядом красноречивых фактов.

Создатель и основоположник советского государства В.И.Ленин, отвергая многое в прежней жизни, был ревностным сторонником классического искусства и боль-

шим любителем романа. Вот что говорит об этом автор вступительной статьи "Красивое страдание". Заметки о русском романе", составитель сборника "Русский роман" (М., изд-во "Правда", 1987, 640 с.) Вадим Львович Рабинович. В упомянутой статье он, назвав замечательной чертой русского романа то, что в нем классика и неклассика — поэтическая и музыкальная — уравниены в правах, потому что и та и другая адресованы всем и каждому, он далее дополняет свою характеристику русского романа, как явления социально обусловленного и глубоко демократического, но с обостренным вниманием к душевному миру человека, пишет: "Может быть, именно поэтому столь чутким и заинтересованно пристрастным к русскому роману в лучших его образцах был В.И. Ленин, прекрасно понимавший при этом социальное назначение искусства, революционно-демократические воззрения передовых литераторов России."

М.Эссен вспоминает: "Ленин слушал с огромным удовольствием и романсы Чайковского "Ночь", "Средь шумного бала", "Мы сидели с тобой у заснувшей реки", и песнь Даргомыжского "Нас венчали не в церкви"... Каким отдыхом, каким удовольствием для Владимира Ильича были наши песни!.. Декламировали стихи Некрасова, Гейне, Беранже" (Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине в 5-ти томах, т. 2. — М.: Госполитиздат, 1969, с. 115-117).

Влечение Ленина к стихии русского романа с его глубочайшей народностью, исконным вольнолюбием прошло через всю его жизнь, начиная с юношеских спевков с младшей сестрой Ольгой. Д.И. Ульянов вспоминает: они пели дуэтом "Нелюдимо наше море", "Свадьбу" Даргомыжского; пел Владимир Ильич и сам. Это были "Прелестные глазки" Гейне:

*...Эти чудные глазки на сердце
Наложили мне скорби печать,
От них я совсем погибаю,
Милый друг, чего больше искать...*

“Погибаю” — надо было брать очень высокую ноту, и Владимир Ильич говорил, выткнув ее: “Уже погиб, погиб совсем...”. “Пелось... не только для слов, — продолжает Д.И.Ульянов. — Пелось потому, что душа его действительно рвалась к другой жизни. Пела. Но не изнывала, не грустила. У Владимира Ильича я почти не помню в пении минора. Наоборот, у него всегда звучали отвага, удаль, высокий подъем, призыв” (Там же, т. 1, 1968, с. 114-117. Все перечисленные в этих воспоминаниях романсы читатель найдет в данной книге. — Прим. сост.).

“Эти краткие выдержки живо свидетельствуют о месте музыки, русского романса, русской песни в жизни В. И. Ленина. И в самом деле: в русском романсе вольнолюбие и героика естественно соседствуют с тонким лиризмом и любовным переживанием, грусть и печаль — с улыбкой и чуть заметной иронией”.

Из приведенного ясно, что В.И.Ленин не мог стать инициатором запрета на исполнение романсов. Едва ли эту миссию взял на себя И.Сталин. Отвлекаясь от всесторонней оценки этой неоднозначной и неординарной личности, напомним, что он был любителем грузинских романсов и задушевных песен, а долгие годы проживания в России не могли не приобщить его к русскому романсу. Напомним, что это при нем развернулась, наряду со многими другими представителями вокального искусства, широкая концертная деятельность его соотечественниц Кето Джапаридзе и Тамары Церетели, достойно продолживших традиции русского романса В.Паниной и А.Вяльцевой.

Что же получается: эту задачу выполнили государственные лица меньшего уровня? Но издать распоряжение (и то во всесоюзном масштабе) они без согласия первых лиц государства, в то время не имели полномочий. Но допустим, что кто-то отважился на свой страх и риск, в стремлении чиновничье-бюрократически выслужиться перед властями, сделать это. Однако это могло быть еди-

---

* “Русский романс”, изд-во “Правда”, 1987, с. 14-15.

ничным случаем, не имевшим продолжения. Получается, что невзирая на это и не подвергаясь никакому ограничению, романс продолжал свое победное шествие. Большими тиражами издавались патефонные пластинки с записями романсов, романсы звучали по радио, в исполнении персонажей кинофильмов с экранов кинотеатров, что более всего способствовало их популяризации и распространению, композиторы продолжали создавать прекрасные образцы советской лирической песни, которые по своему стилю были ни чем иным как романсами. Ведь сам С.Бэлза некоторые свои передачи "Романтика романса" строит на советских песнях — романсах, созданных в разные годы и разными композиторами. Эти песни-романсы подхватывались народом и пополняли репертуар известных певцов, исполнявших их и на своих площадках и в гастрольных турне по стране. Кроме упомянутых заслуженных артисток Грузии романсы постоянно исполняли народные артисты СССР Сергей Лемешев, влюбленный в этот жанр Иван Козловский, Павел Лисициан, Надежда Обухова, Мария Максакова, Елена Образцова, Клавдия Шульженко, Леонид Утесов, Людмила Зыкина, Нани Брегвадзе, заслуженные артисты Лидия Русланова, Георгий Виноградов, а также Изабелла Юрьева, Вадим Козин, Валентина Левко, Галина Карева и многие другие. Все это как-то не вяжется с утверждением о запрете на романсы.

Не могу не упомянуть триумфальные гастроли по всей стране в 1943 году вернувшегося из эмиграции на Родину Александра Вертинского, имя и песни которого, несмотря на его длительное отсутствие, помнились и исполнялись! Мне посчастливилось быть на его концерте в Малом зале Армфилармонии в Ереване.

К сказанному добавлю, что в пылу охаивания всего советского, но в действительности великого периода жизни народов СССР, он заявляет, что в советское время под запретом было и танго. Да, танго было под запретом. Это подтверждается следующими фактами. Во-первых, песни-романсы, в массовом порядке создаваемые совет-

скими композиторами, часто писались в ритме танго. Сами читатели могут назвать много подобных произведений, решавших сразу две задачи: они были приятны для слуха и кроме того были прекрасной танцевальной музыкой. Постоянно звучали превосходные танго великого мастера этого жанра Оскара Строка, знаменитая песня-танго которого "О эти черные глаза" поистине стала не только всесоюзно, но и всемирно признанным шедевром, которую знал каждый житель нашей страны. Наконец, о запрете на танго свидетельствовало то, что почти в каждой школе, техникуме, вузе, учреждении создавались кружки, в которых не только совершенствовалось умение танцевать вальс, но и изучались, как тогда называли их, современные танцы танго, фокстрот и румба. Я сам в старших классах школы вместе с моими одноклассниками прошел через такие кружки. Не буду продолжать приводить доводы, подтверждающие "запрет" на романсы и танго. Реальность была совсем иной, чем та, которую преподносит С.Бэлза. И я (и не только я) был бы очень доволен, если бы уважаемый знаток музыки расстался со своей "идэ фикс" перестал бы в массовом порядке (ведь он говорит это по каналу телевидения, транслирующемуся по всей стране) не упускать ни одной возможности внедрять преувеличенную антисоветскую небыль в сознание своих слушателей, ничего не прибавляющего к оценке исполняемых романсов как таковых. Думается, что задача ведущего передачу "Романтика романса" должна состоять в том, чтобы характеризовать в музыкальном плане тот или иной романс, его особенности и т.д., что способствовало бы обогащению музыкального образования слушателей передачи. А так он выглядит скорее агитатором антисоветизма, а не пропагандистом с позиций музыкознания высокой музыки, хотя, трезво рассуждая, не могу понять зачем это ему надо.

Но есть еще один аспект откровенного разговора о романсе, который особенно близок мне как специалисту в области эстетики. Я имею в виду соотношение романса и проблемы художественно-эстетического воспитания.

Советское государство в качестве одной из программ выдвинуло задачу всестороннего духовного (в светском значении) развития народа, в том числе и его приобщения к творениям подлинного искусства, как правило не отвергая ни одного значительного произведения, независимо от того, в какую эпоху оно было создано. С этой же целью оно не популяризировало, не поощряло и критически относилось к низкопробному, вульгарному попсовому псевдоискусству. И я задаю вопрос: могло ли советское государство, ставя подобную задачу, накладывать запрет на романс, который был одним из действенных средств художественно-эстетического воспитания народа, облагораживая и развивая эстетические чувства, и, к тому же, популярного и любимого народом жанра. В противовес четко поставленной советским государством задачи всемерного повышения уровня художественно-эстетической образованности и воспитанности населения нынешнее общество, являющееся в невообразимо уродливых формах реставрацией капитализма, вообще сняло с повестки дня задачу эстетического воспитания народа и, проявляя некую всеядность и прикрываясь фальшивым фиговым листком псевдодемократизма, поставило на одну доску подлинное искусство и различные низкопробные формы массового поп-искусства, широко открыв двери перед роком и подобными ему музыкальными формами, тем самым содействуя падению уровня эстетических вкусов граждан страны, особенно молодежи.

